

С. И. ВАЛБ

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ЛИХАЧЕВ¹

Историческая наука с 80-х годов XIX в. и вплоть до смерти Николая Петровича Лихачева 14 апреля 1936 г. нашла в его лице ученого, занявшего совсем особое место и по области вопросов, им изучаемых, и по размаху работ в избранной им сфере исторических разысканий.

Н. П. Лихачев по окончании в 1880 г. 2-й Казанской гимназии поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Уже к этому времени ясно определился тот своеобразный интерес, который, постепенно развиваясь, предопределил круг исторических занятий Н. П. Как пишет сам Н. П. в автобиографии, относящейся к 1919 г., у него «очень рано сказалась родовая страсть к археологии», а «необыкновенно сильная, охватывающая, все затмевающая любовь к книгам началась с 8-летнего возраста». Уже в 5-м классе гимназии, продолжает Н. П., определилась задача всей жизни — изучение истории. В университете, будучи студентом всего 2-го курса, Н. П. становится членом-сотрудником Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете и командировается им в уезды Казанской губернии для раскопок и других исследований древностей. На студенческой же скамье Н. П. заинтересовывается обнаруженной им в семейной библиотеке его отца разрядной книгой. Работа с нею возбуждает ряд критических вопросов, связанных с происхождением и достоверностью заключающихся в ней сведений. Итоги работы над этой разрядной книгой составят потом диссертацию, защита которой доставит Н. П. при окончании университета степень кандидата историко-филологических наук. Тогда же П. П. сразу от двух профессоров поступило предложение остаться при университете. Н. А. Осокин предложил Н. П. остаться на кафедре всеобщей истории, Д. А. Корсаков — на кафедре русской истории.

¹ Вступительное слово на заседании Совета Архива ЛОИИ СССР АН СССР 2 ноября 1962 г., посвященном 100-летию со дня рождения Н. П. Лихачева.

Н. П. выбрал второе. Стоит отметить, что Федор Яковлевич Фортискин предложил тогда же предусмотреть преподавательское место для Н. П. в открывавшемся Гомском университете в случае, если там будет историко-филологический факультет. Для всей будущей деятельности Н. П. характерно его признание, что в конце университетского курса проявились его «основные склонности: отвращение к административной деятельности, хладнокровное отношение к педагогической и все поглощающая страсть к архивным и кабинетным изысканиям, стремление хотя бы в узкоспециальных областях, но сказать нечто новое, проложить новый путь». И еще одно важное самопризнание. Н. П. Лихачеву казалось тогда, что необходимо все внимание обратить и первую очередь на критику источников, анализ; он считал, что синтетическое построение, иначе говоря, собственно историческое исследование, должно быть последующей ступенью работы, которая возможна только на основе свода мельчайших фактов, свода систематического, по возможности исчерпывающего. «Смысл и идеал» работы Н. П. Лихачеву виделся тогда «не в лекциях, а в ученых рефератах». Нельзя не отметить, что эти взгляды, соответствовавшие, по видимому, самому душевному складу Н. П. как ученого, вместе с тем были в духе некоторых влиятельных течений тогдашней русской историографии. В 80-х годах XIX в. никто на университетских кафедрах не выдвигал новых широких исторических построений. В Московском университете В. О. Ключевский увлекал слушателей и читателей своими блестящими лекциями и трудами. Но в основе их лежали все же общие, известные уже построения его учителя С. М. Соловьева. Однако первой ласточкой другого направления была именно магистерская диссертация В. О. Ключевского. Он предполагал заняться «участием монастырей в колонизации северо-восточной Руси», по работу свою посвятил исследованию только житий святых как источников, которые могли бы послужить для собственно исторической разработки этой темы. Если взглянуть на диссертации, готовившиеся в 80-е годы в Петербургском университете, то здесь увидим аналогичное источниковедческое направление. И С. Ф. Платонов, и С. М. Середонин в самих заголовках своих диссертаций отмечают их источниковедческий характер. У других, например у Е. Ф. Шмурло или Н. Д. Чечулина, тот же характер прослеживается в самом выполнении их работ.

Еще на студенческой скамье Н. П. Лихачев, как мы видели, заинтересовался одной разрядной книгой. Теперь, закончив в 1886 г. магистерские экзамены, Н. П. Лихачев направляется в ученую командировку для занятий в архивах и библиотеках Москвы и Петербурга, которые ему были нужны, по его же словам, для «написания диссертации о разрядных книгах, основанной на рукописном материале».

Начав свои архивные поиски для изучения разрядных книг, Н. П. оказался, однако, скоро в положении, хорошо знакомом

всякому, усердно и много работавшему в архивах. Окунувшись в гущу материалов Разрядного приказа, П. П. был ими увлечен, и история уже самого Разрядного приказа пастовчпо напызыналась в качестве заслуживающей темы диссертации. Но огромная масса материалов Разрядного приказа сразу же ограничила возможный раамах намерений авторской работы над ними. Так всплыла тема, самим П. П. Лихачевым обозначенная как «внешняя история Разряда в XVI ст.», а затем на деле оказавшаяся еще уже и появлявшаяся в свет только как «Разрядные дьяки XVI в.». Существеннейшая и наиболее удачная часть диссертации все же оказалась отведенной именно разрядным книгам, с которых началась работа Н. П., она-то и составила, как писал один из рецензентов книги (казанский же профессор П. П. Загоскин), «истинное украшение» ее. Источниковедческий характер всей работы сказался и в том, что, по признанию самого П. П., он старался не оставлять ни одного рукописного источника без описания, которое давало бы возможность судить о его содержании, значении и степени критической достоверности. Для П. П. Лихачева описание рукописи было «делом совсем не механическим»; оно было «п то же время и критическим анализом ее достоверности». Впервые в нашей исторической литературе П. П. был поставлен так широко, по его же выражению, «с суровою критикою» вопрос о вымышленных и фальсифицированных грамотах, о достоверности родословных росписей XVII в. и ряд других источниковедческих вопросов.

«Разрядные дьяки XVI в.» вышли в 1888 г. Громадный том, почти в 40 печ. листов, основанный на изучении огромнейшего архивного и печатного материала, потребовал у Н. П. менее трех лет труда. Неудивительно, что П. П. Загоскин в своем отзыве писал о 28-летнем авторе как о «почетном, в высшей степени трудолюбивом и несомненно даровитом молодом авторе»; Академия наук присудила Н. П. Лихачеву за эту работу Уваровскую премию. В качестве магистерской диссертация «Разрядные дьяки» была защищена Н. П. Лихачевым 16 февраля 1889 г., а уже через три года — 3 мая 1892 г. П. П. защитил докторскую диссертацию — «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве». Сам П. П. указывает на прямую связь новой его работы с предшествовавшими источниковедческими разысканиями. Критика актов, по его словам, довела его к исследованию материала, на котором они писаны, — бумаги, изучению ее истории и установлению высокой палеографической ценности водяных бумажных анаков — филиграней. П. П. отметил, что консерватизм полууставного письма и «иногда поразительные отступления» в почерках частных людей, которые, «как всегда, писали, как кто умел», позволяют в таких случаях только путем сопоставления содержания почерка и бумаги разрешать «мучительное сомнение» в датировке, подлинности и поддельности изучаемых документов. Этот труд Н. П. Лихачева явился крупным явлением в истории

палеографии, и русской, и западной. Особенно ценным после старых и скромных попыток Лаптева и Тромонпа явился альбом филиграней. Эта докторская диссертация очень скоро разрослась в капитальное трехтомное исследование «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (1889 г.). В момент своего появления этот труд, содержащий более 5 тыс. воспроизведенных филиграней, явился крупнейшим событием не только для русской, но и для западноевропейской палеографической литературы. В своем исследовании, предварившем альбом снимков, П. П. Лихачев привел несколько ярких примеров применения филиграней для определения времени происхождения рукописи и для возможных отсюда открытий в области собственно исторического исследования. Так, например, новая датировка Царственной книги, относимая до того к концу XVII в., а теперь точно приуроченная к концу царствования Ивана Грозного, открыла путь к раскрытию значения обсуждаемых усиленно теперь приписок едва ли по самому Ивану Грозному к летописному тексту. (Второй — это путь, которым вслед за П. П. Лихачевым С. Ф. Платонов пришел к выводу о позднейшем происхождении текста о состоявшемся будто бы в 1550 г. созыве первого Земского собора).

В уже упоминавшейся автобиографии Н. П. Лихачев отмечает путь, который повел его к дальнейшему расширению круга его научных занятий: орнаментировка актов повела к изучению миниатюры орнамента, а это изучение оказалось необходимым связать с тогда еще «темной», по его выражению, историей иконописи. Эта тема заслуживает особой характеристики. Отмечу только, что занятия эти явились одною из важнейших сторон всей ученой деятельности Н. П. Поездка в Западную Европу, в Копенгаген и на Афон, обширные розыски памятников русского иконописания, сохранившихся внутри России, имели своим последствием не только ставшее знаменитым лихачевское собрание икон, поступившее в 1914 г. в Русский музей, но и издание знаменитого атласа снимков памятников русского иконописания, а также капитальное исследование в области истории русской иконописи в ее отношениях с итало-греческой.

Еще в 1888 г. Н. П. был зачислен приват-доцентом в Казанский университет; тогда же он прочел и две пробные лекции в Петербургском университете. Но не приступив к занятиям в Казанском университете, Н. П. так и оставил его формально в 1895 г. Несколько успешнее оказалось преподавание П. П. в Петербургском университете, но и здесь ряд его курсов не состоялся отчасти из-за командировок для научной работы, отчасти из-за недостатка слушателей. Но в 1894 г. Н. П. занял кафедру дипломатики в Петербургском археографическом институте. Преподавание, которое до сих пор Н. П. Лихачев не дорожил, как отвлекавшим его от кабинетных занятий, теперь впервые оказалось тесно связанным с основным кругом исследовательских интересов Н. П. Научение русской дипломатики и сфрагистики заставило Н. П. рас-

ширить рамки исследования экскурсами в римскую, греческую и восточную дипломатику», а протоколы русских печатей И. П. находил тоже далеко вне самой русской сфрагистики. Широкие планы, поставленные им для себя как профессора дипломатики, писал Н. П. Лихачев в 1919 г., увлекли его в область собирания материала, книжного, литературного и оригинальных документов, чему и было посвящено более 20 лет.

Важнейшее значение для всей научной деятельности Н. П. имела собирательская деятельность, особенно для его работ в области дипломатики и сфрагистики. Ни русской дипломатики, ни тем более русской сфрагистики до того времени почти не существовало, кроме некоторых частных исследований. Многолетние курсы Н. П. по дипломатике и сфрагистике примечательны прежде всего своим необычайно широким охватом. Сфрагистика излагалась Н. П. начиная с древнейших времен, в сравнении с древнеегипетской и ассиро-вавилонской сфрагистикой, образцами которых И. П. обладал в своем собственном собрании. И дипломатика в изложении И. П. впервые в русской, да и не только в русской, литературе давала свод историко-географических и источниковедческих данных, освещающих развитие дипломатики на Западе и у нас. Все преподавание И. П. было основано на итогах его собственных исследований и в самой значительной мере на основе ценнейших собранных им памятников древности. Оно в меньшей степени было похоже на обычно читаемые общие курсы, а носило характер ряда сообщений о собственных размышлениях автора. Характеризуя свое преподавание, Н. П. Лихачев писал в одном из отчетов, что «изложение ведется на основании отдельных исследований, с обзором и оценкой значения сохранившихся памятников и в связи с очерком государственной и народной истории по новейшим данным». Преподавательская работа такого рода вполне, по-видимому, удовлетворяла И. П. В этом же отчете он писал об одном из годов своего преподавания, что «переполненная аудитория вызывала воодушевление лектора», в другом — что «посещаемость лекций была образцовая, выше всяких похвал».

Помимо упомянутых выше крупнейших работ, Н. П. Лихачеву принадлежат многие и многие десятки других. Среди этих многих есть такие обстоятельные крупные исследования, как «Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному», в котором Н. П. дал обстоятельное исследование на области царской дипломатики. Другое столь же большое и важное исследование — «Дело о приезде в Москву Антония Поссевино» — содержит, помимо дипломатического и палеографического изучения документов, также изучение исторических обстоятельств, непосредственно связанных с миссией Поссевино, и в виде приложений особое исследование о смерти царевича Ивана Ивановича и вопроса о душевном заболевании царя Ивана IV. И исследования Н. П. меньшего размера обладали чертой, отмеченной уже А. А. Шахматовым, который писал, что даже каждая заметка Н. П. обнаруживает «не

только обширные знания Н. П. . . . по также несудержимое стремление к стройной их систематизации». Круг многочисленных исследований Н. П. был исключительно велик, хронологически он затрагивал времена от «Древнейших булл и печатей Шярпурлы» вплоть до исследований в области истории Византии, западного средневековья, итальянского Возрождения и на протяжении всех периодов древнерусской истории. Тематически это были исследования по палеографии и дипломатике, сфрагистике, пумизматике и эпиграфике, археографии и библиографии, иконографии и истории искусства, а также и собственно исторические размышления. Все эти работы являлись выполнением того, что Н. П. называл своею «заветною мечтою», именно, говоря его же словами, «кабинетной работы» «по собранному и классифицированному» им материалу.

В 1925 г. Н. П. был избран в действительные члены Академии наук. «Вряд ли найдется, — писал он по этому поводу, — такой научный деятель, который не мечтал бы об академическом кресле». «За 40 лет труда, — писал Н. П., — я собрал немало материалов, наблюдений и заметок, оставшихся незадаанными. Жажда научной работы не остыла во мне. Твердо надеюсь, что именно здесь, в Академии наук, мне удастся, наконец, хотя бы в рукописи закончить мой очень большой труд по древнейшей русской сфрагистике, основанный на материалах, мне одному известных». В связи с избранием в Академию наук Н. П. передал Академии образованным им на основе его многолетних собраний Музей, получивший теперь название «Музея палеографии». Работа же по сфрагистике, о которой писал Н. П., вылилась в две, тесно связанные одна с другой работы. Одной из них явилось обширное исследование «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», два тома которого появились в печати. Вторая же ценнейшая сфрагистическая работа Н. П., завершающая им в самые последние годы жизни, была связана с подготовленным им еще до революции и фототипически отпечатанным Сфрагистическим альбомом, являющимся единственным такого рода воспроизведением древнейших русских, а отчасти и византийских печатей. В 1934—1935 гг. Н. П. закончил свой (как он и сам его считал) капитальный труд по описанию этого альбома, значение которого выходит далеко за пределы одного собственно описания, так как содержит ряд ценнейших исследований по всем связанным с печатями областям исторической науки. Этот труд, утвержденный РИСО Академии наук к печати еще при жизни Н. П., до сих пор остается непечатанным.

Труд жизни Н. П. был огромен. Области исторической науки, которые мы называем вспомогательные исторические дисциплины, имели в лице Н. П. совершенно исключительного деятеля по размаху и по итогам его работ.